

Владимир Карасёв

Заслуженный артист Российской Федерации

Прошлое - рядом

85-летию создания Новосибирской области

В первые годы нынешнего века мой старший брат Юрий, последние почти три десятка лет проживший в деревне Жуланка Кочковского района Новосибирской области, познакомился с Натальей Леонидовной Григорович – учительницей Шубинской средней школы Барабинского района нашей области. Дело в том, что Юрий был самобытным поэтом, всю жизнь, кроме службы в армии и учёбы в Омском ветеринарном институте, посвятил нашей родной сибирской деревне и, как он сказал в одном из своих стихотворений, в основном «пел не о любви большой, а о страданиях деревенских». С тех пор, как они познакомились, Юрий посылал через Наталью Леонидовну жителям свои стихи, интересовался жизнью людей в этой деревне, куда его в возрасте одного года в июле 1941 года привезли родители и которую он считал своей родиной.

Потом случилась беда. 2 января 2005 года мой брат, после многолетних мучений, скончался от бруцеллёза: заразился от

животных. Я в эти годы вышел на пенсию, появилось больше свободного времени, поэтому стал собирать, издавать стихи брата, пропагандировать его творчество. Скоро меня приняли в состав литературного объединения «Молодость» при Новосибирском отделении Союза писателей России. У меня была довольно интересная биография, и я стал писать в основном автобиографического содержания прозу. Некоторые из моих работ, а также стихи брата посылал в родную деревню.

Так сложилось, что я около двадцати лет жил в европейской части большой России, но никогда не забывал «Малую» родину и, по возможности, её навещал, свою родную, как мы её часто называли, «Шубинку». Вспоминаю, какое тяжёлое впечатление у меня осталось после посещения родных мест в девяностые годы. Она, как и все российские деревни, в результате проводимой политики «перестройщиков», какое-то время была на грани полного краха, но сохранилась, как я понимаю, только благодаря близости к городу Барабинску и, надеюсь, сохранится и впредь, но только уже как пригородное поселение.

Как-то ещё в предыдущем году при разговоре по телефону Наталья Леонидовна хвалила не так давно назначенного главу Шубинского сельского Совета, молодого энергичного мужчину Вячеслава Юрьевича Илюшина. Что, мол, он решительно настроен привести село в порядок и уже кое-что сделал. «Например, – говорила она, – наконец-то, с помощью жителей, укрепил щебнем дорогу до кладбища (метров четыреста), навёл на нём относительный порядок и вместо старой разбитой, из штакетника ограды, обнёс усыпальницу бывших (и вечных!) жителей села новой добротной оградой с воротами и закрывающимися калитками». Мне особенно приятно было об этом узнать, так как большая часть тех «шубинцев», которых я знал в детстве и юности, уже давно

«переселились» сюда. Здесь похоронен и мой отец, комиссованный, после тяжёлого ранения на фронте, из армии в 1944 году и скончавшийся на маминых руках. Он оставил ей нас, троих ребятишек. О подробностях жизни людей в послевоенный период я написал в своей книжке «Детство» (по тропинкам памяти). Ещё Наталья Леонидовна сказала тогда, что в деревне впервые после советского времени начато строительство двухэтажного жилого дома и «поднята» главная дорога по центральной улице. «Да это, в наше время, просто подвиг!» – подумал я.

А в мае нынешнего года, по-видимому, по совету Натальи Леонидовны, мне позвонил сам глава Шубинского сельского Совета Вячеслав Юрьевич и официально пригласил на празднование 90-летнего юбилея его села, которое должно состояться 10 июня. «Очень хочется организовать для людей праздник, так что приезжайте и вы», – сказал он. «Конечно, приеду», – пообещал я.

В связи с этим событием необходимо кратко изложить историю села. Животноводческого направления совхоз (советское хозяйство) номер 290 был организован и отстроен в 1932 году практически на чистом месте, на восточном берегу Шубинского озера, в 8-9 километрах западнее Барабинска, недалеко от транссибирской железнодорожной магистрали, и название получил от озера. Далее из истории села я затрону лишь одну важную тему. Сколько помню, во всех домах того времени были подполья, а у кого-то и глубокие погреба, где люди зимой хранили картофель и другие овощи. То есть с этим проблем не было. А в 1978–79-м году случилось совершенно неожиданное природное явление, которое создало массу проблем и изменило лик села. Уровень воды в озере поднялся настолько сильно, что пришлось переносить на более высокое место целую одностороннюю прибрежную ули-

цу. Изменилась даже форма водоёма. Постепенно вода сошла, но произошло заболачивание и обводнение всей территории деревни, и она с тех пор (если смотреть издалека, с высоты Балакиной гривы, по которой ныне проходит федеральная автомобильная трасса) стала похожа на большое птичье гнездо со сбившимися птенцами (домами), заросшее почти по всему периметру камышом. О погребях уже не могло быть и речи.

После длительного перерыва (связанного с нездоровьем) я утром 9 июня сел на электричку на Западном вокзале Новосибирска (благо – рядом живу) и отправился на малую родину. В Барабинске ночевал у 85-летней одинокой двоюродной сестры, а утром 10-го вызвал такси и часов в десять вышел из машины, не доезжая до центральной широкой улицы. Погода стояла прекрасная. Я закинул портфель с книгами на плечо и оглянулся вокруг: с детских лет знакомые и в то же время, будто незнакомые места увидел я. Справа от дороги – погибающий в болоте некрупный лес, где мы в детстве проводили лето, и вся сторона заросла густым камышом. Слева, где раньше стояли гаражи и открытая сельхозтехника, также пустырь, в камыше стоит, как памятник, остов кирпичного сооружения, построенного ещё в 50-е годы. Грустная картина. Никакого общественного производства в селе нет, только на окраине, за бывшими гаражами, видны сельскохозяйственные строения единственного фермера, содержащего какое-то количество коров и свиней. «Как он один, бедолага, справляется со своим хозяйством?» – подумал я и пошёл в село. То, что увидел, меня слегка порадовало. Впереди, кроме частных домов, построенных подальше, на месте бывших животноводческих помещений, воплощённая реальность советского времени: ряд 16-ти квартирных жилых двухэтажных домов, за которыми слева, в глубине, прекрасное здание средней школы, а справа – два таких же дома и между ними Дом культуры со

сквериком, окружившим его с двух сторон. Напротив него, в центре улицы, недалеко от того места, где когда-то на высоком пьедестале стоял И. В. Сталин, установлен памятник с обозначением фамилий и имён около пятидесяти «шубинцев», отдавших жизни за родину в период Великой Отечественной войны. Далее, в конце, широкую центральную улицу с севера на юг пересекает длинный ряд старых, построенных очень давно домов и полуразвалившихся домишек. В одном, в южной стороне, последние шесть лет пребывания здесь жила наша мама.

У первого слева двухэтажного дома несколько женщин наводили порядок в ограде и красили зелёной краской штакетник. Я остановился, поприветствовал их:

– Здравствуйтесь, землячки! Готовитесь, наверное, к празднику?

– Да вот, уже заканчиваем, – ответила одна.

– А я тоже бывший «шубинец», приехал на праздник. А среди вас есть старожилы?

– Да, я здесь живу семнадцать лет, – ответила старшая.

– Нет, это не то, я имею в виду очень далёкое прошлое. Вон там, на месте дома, где сейчас живёт Мария Ивановна Яхонтова, – показал я рукой направо, – рос высокий красивый тополь, а рядом с ним стоял домик на двух хозяев. Здесь мы, три маленьких сорванца, жили с мамой с 1948 по 1960 год. Правее от него был узкий проход между плетней, к школе, которая стояла там, дальше, за нашими огородами. Вы помните эту семилетнюю школу? Нет, не знаете даже, что она там была, а я её окончил в 1957 году.

Женщины меня слушали, ничего не понимая, я с ними попрощался и пошёл далее, к Дому культуры. Возле него уже было много людей, а вход украшали приветствующие гостей праздничные плакаты, флажки и воздушные шары.

На скамьях, поставленных подальше от входных дверей, сидели в основном немолодые женщины и несколько мужчин, рядом бегали ребяташки. Они ждали выступления здесь же, перед входом, молодых певцов-солистов. Я поприветствовал их, представился их земляком, задал несколько вопросов, сам вспомнил кое-что из истории деревни и её жителей, оказалось, что людей из моего детства и юности уже никого не было. Мы ещё поговорили о разном, и я пошёл в клуб. Помещение большого высокого зала, фойе, было украшено плакатами, фотографиями, работами прикладного искусства местных мастеров. Устроители праздника (как я узнал позже) во главе с заведующей Домом культуры Ларисой Ивановной Курдиной продолжали делать свою работу. На ряде установленных столов раскладывались детские поделки, рукодельные работы под общим названием «Хуторок мастериц», готовилась выставка декоративно-прикладного творчества, как взрослых, так и детей, а молодые самодеятельные артисты тут же настраивали аппаратуру для выступления на улице.

Я обратился к одной из женщин, раскладывавшей на столе книги, альбомы и рисунки, представился, спросил Наталью Леонидовну Григорович, мне ответили, что она была здесь, а сейчас куда-то отошла.

– А вы кто, как вас зовут? – спросил я.

– Я библиотекарь, а называть вы можете меня просто Зоей.

– Вот и отлично, с вами-то я и хотел встретиться.

Я ей кратко рассказал о себе. Спросил, есть ли в их библиотеке сборники стихов моего брата и мои книги. Она ответила, что про нас знает, но книги ваши в школьной библиотеке, а у нас, мол, есть, кажется, только одна.

– Я вам дам сейчас несколько книг моих и брата, пусть с ними познакомятся мои земляки.

– Хорошо, хорошо, давайте, я их зарегистрирую и выставлю для чтения.

– С Натальей Леонидовной мы встретимся потом, а сейчас пойду на кладбище – надо помянуть тех, кого когда-то знал, да и всех ушедших земляков. Мне сказали, что открытие праздника будет в три часа, так что я успею, до свидания.

Вышел на улицу и отправился с детства знакомой дорогой за село. Прошёл по старой полуразрушенной улице на околицу, вспоминая тех, кто когда-то жил в этих домишках. Короткая, с полкилометра, дорога до кладбища была действительно укреплена щебнем и поднята так, что даже в непогоду по ней можно свободно пройти или проехать. Порадовался, что усыпальница огорожена решётчатой плотной металлической сеткой с закрывающимися калитками и воротами. Обратил внимание, что территория его значительно (с запасом) увеличена и вышла за пределы небольшого лесного колка. Зашёл за калитку, осмотрел несколько памятников с фотографиями рядом с ней и направился вглубь, где были старые захоронения и могила моего отца. Памятник ему я поставил только в конце 90-х годов. Постоял, погрустил, вспомнил о том, что когда он умер, с большим трудом и даже скандалом удалось изготовить для него гроб (не было досок), а памятники и даже кресты на могилах долго не стояли, так как рядом шла дорога, на которой весной и в непогоду машины, проезжавшие в дальние деревни, отчаянно буксовали: под колёса шло всё подручное, в том числе с кладбища, только чтобы выбраться из солончаковой скользкой грязи. Вспомнил, как хоронили отца (мне было семь лет), нашу непростую жизнь в послевоенные годы, мысленно поблагодарил моих друзей-землячек Наталью Леонидовну Григорович и Марию Ивановне Яхонтову за то, что они добровольно присматривают за могилой и памятником. Он стоит как-то обособленно, о чём

мне подсказала Наталья Леонидовна: «Надо бы, Владимир Васильевич, сделать оградку вокруг памятника, а то он стоит как-то одиноко». «Да, да, – согласился я с ней – я подумаю, как это сделать».

Дальше, как всегда, пошёл по рядам, рассматривая фотографии и вспоминая когда-то знакомых людей. Но их не так и много, больше мне незнакомых, так как я рано уехал из деревни – вначале учиться в техникум, потом – армия и фактически только приезжал навещать маму, с людьми мало общался. Вот таким образом я около двух часов мысленно возвращался в прошлое и жил в нём. Вспомнилось короткое стихотворение малоизвестного, но мудрого поэта Николая Новикова:

«Никогда ничего не вернуть. Как на солнце не вытравить пятна.

И в обратный, отправившись, путь, всё равно не вернёшься обратно.

Эта истина очень проста, и она, точно смерть, непреложна:

Можно в те же вернуться места, но вернуться назад – невозможно.

Нашёл и постоял у свежего захоронения хорошо мне знакомого мужа Натальи Леонидовны Григорович – Владимира. Казалось, ещё крепкого мужчину, неожиданно скрутил и погубил рак. Это несчастье, постигшее всю их семью, случилось весной, незадолго до моего приезда. Тяжёлые мысли навевают подобные встречи, но что поделаешь? Так устроена жизнь.

Я уже заканчивал осмотр памятников на открытом участке и собирался идти в село, как вдруг у калитки остановилась чёрная легковая машина, из неё вышел невысокий мужчина. Проходя мимо меня, он поздоровался и хотел идти дальше,

видимо, кого-то поминать, но сделав несколько шагов, остановился, вернулся, внимательно посмотрел на меня и говорит:

– А я, кажется, вас знаю. Вы Карасёв, правильно я говорю?

– Да правильно, а вы кто?

– Я Мельников Николай, – протянул он мне руку, – вы должны знать моего отца.

– Пойдите, пойдите, да, да, я помню вашего отца, вы, кстати, на него очень похожи. Он работал шофёром, по-моему, директора возил, да? Вы сюда к нему приехали?

– К сожалению, так, он теперь здесь. Послушайте, а поедем-ка к нам, вон в машине моя жена Тамара, она не будет возражать.

– Спасибо, конечно, но ведь скоро начнётся торжественное собрание, меня ведь пригласили на праздник.

– Ничего, успеем. Поедем к нам перекусим чем-нибудь, а потом вместе пойдём в клуб, – а сам уже легонько за руку тянет меня к калитке.

Из машины вышла приятной внешности, но уже не молодая (как и он) женщина и хотела идти к нам.

– Тамара, это тот самый Карасёв, помнишь, наверное, сын учительницы, как вас зовут? Владимир? Ну и хорошо, Владимир.

– Ну, так поедем к нам, в чём дело? – поддержала мужа Тамара.

– Да как-то неудобно.

– Бросьте вы, какие неудобства, поедем, садитесь в машину, а сюда мы завтра приедем.

Вот таким необычным образом я оказался в доме Мельниковых, стоящем на противоположной от кладбища стороне той самой длинной улицы с множеством подрыхлевших и уже разваливающихся строений. Но у моих новых друзей дом

оказался весьма благоустроенным, вместе с гаражом, помещением для коровы, летней кухней, омшаником и огородом, – Всё это мы сделали сами, своими руками, – сказала Тамара, когда я осматривал их хозяйство.

А как они меня приняли! Передо мной на веранде на стол была поставлена большая тарелка, наполненная домашним творогом, банка свежей сметаны и кусок варёной индейки.

– Ешь, Володя, мы всё ещё держим корову – я не могу без молока, – сказала хозяйка, а Николай только поддакивал ей.

Мы незаметно стали обращаться друг к другу по-простому, на «ты». Мои хозяева были моложе меня, но возраста пенсионного. «Какие замечательные и трудолюбивые люди!» – думал я. Так меня, бывало, встречала только мамина младшая сестра Октябрина Матвеевна, в Здвинске. Она была одинокой и тоже держала корову. «Наверное, только в деревнях остались такие бескорыстные люди; как же изменилась жизнь в России», – думал я.

Пообедав, мы с Николаем отправились в Дом культуры, где уже всё было готово к началу торжества. Зал, не менее чем на триста мест, «до отказа» наполнен нарядной возбуждённой публикой. Волновались организаторы и ведущие предстоящего мероприятия во главе с Ларисой Ивановной Курдиной и её помощниками Алексеем Бирюковым и Ириной Гавриловой. В ожидании были все: взрослые и дети – участники предстоящего концерта. Ждали только, когда займут места в первых рядах приглашённое начальство и гости.

Первым знакомым, с которым я встретился в фойе, оказался Николай Иванович Бекарев, возглавлявший Шубинский совхоз в 1960-е годы. Мы поздоровались, обнялись, начали вспоминать молодые годы, но тут гостей пригласили пройти в зал и занять свои места. Ведущие объявили начало торжественного собрания, посвящённого 90-летнему юбилею их

родного села и предоставили слово для приветствия Главе сельского Совета Вячеславу Юрьевичу Илюшину. Ну а дальше всё шло по оригинальной схеме: выступления руководителей Барабинского района, почётных гостей, поздравлявших и вручавших жителям села Почётные грамоты, перемежались с выступлениями совсем молодых и вполне взрослых артистов художественной самодеятельности. Одной из первых, очень трогательно и проникновенно исполнила песню «Матушка – Россия» старшеклассница Шубинской школы Агдалина Вазетдинова, знакомая мне по написанной ей в прошлом году статье в районной газете о творчестве моего старшего брата, поэта Юрия Васильевича Карасёва, и частично обо мне. Этим поступком она показала заинтересованность и любовь к поэзии, а здесь я узнал, что она ещё и прекрасно поёт. Пела ещё одна девушка, но я не запомнил её фамилию. В процессе концерта меня просто удивили уже не молодые мужчины отличным исполнением современных популярных песен: Сергей Омельченко, Александр Кудрин, Виктор Рыженков и В. Кошкарёв – сын товарища моего детства Володи Кошкарёва. Настоящим украшением торжественного мероприятия стали выступления школьниц 13–16 лет в составе танцевальной группы, руководимой Ириной Гавриловой. Вообще, было понятно, что большой вклад в подготовку и проведение мероприятия внесли учителя и ученики Шубинской средней общеобразовательной школы. «А кто же ещё?» – спросите вы, и будете правы. О людях этой профессии, трудившихся в послевоенный период в Шубинском, я довольно много рассказал в своей книге «Детство».

Наконец уже ближе к завершению мероприятия, дали слово мне. Я поднялся по ступенькам на высокую сцену, встал у микрофона и... вот с чего начал своё выступление. Привожу его полностью:

«Во-первых, я благодарю администрацию села и лично Вячеслава Юрьевича за приглашение на этот праздник. Зовут меня Владимир Карасёв. Фамилия моя вам, конечно, ни о чём не говорит, потому что отец наш, вернувшись в 1944 году с фронта после тяжёлого ранения, через несколько лет был похоронен на Шубинском кладбище. Я только что, до обеда, побывал там: помянул его и всех земляков и хочу, в связи с этим, прочесть вам короткое стихотворение Александра Сергеевича Пушкина:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Действительно, это так. Прав был наш поэт. Я всего на десять лет моложе юбиляра – нашего села, а родился в феврале 1942 года в ста метрах от того места, где сейчас стою. На этом месте была контора совхоза, а, напротив, через дорогу, стоял длинный бревенчатый барак из, примерно, восьми-девяти квартир-комнат. Так вот, в одной из этих комнат я и родился, и здесь мы, три малыша, жили с мамой до 1948 года.

А вот маму мою Ефросинью Матвеевну Суркову некоторые старожилы должны помнить, а, может быть, кто-то у неё учился, так как она 25 лет, да ещё каких! – с 1941 по 1960 год учила в Шубинской школе детей младших классов.

В армии служить я попал в Москву, а отслужив, поступил и окончил музыкальное училище имени Гнесиных, после его окончания был направлен в Заполярный военный Ансамбль песни и пляски Северного флота. Это в Мурманской области. Позже перевёлся сюда, на родину, в Ансамбль Сибирского военного округа. Полжизни был военным артистом и дослужился, между прочим, до звания заслуженного артиста России (аплодисменты).

Да, открою вам, землякам, один секрет. Прожив в Москве около десяти лет, я не нашёл там невесты, а за женой когда-то приехал в родную Шубинку (аплодисменты). Сосватал младшую сестру Виктора Николаевича Мурина, главного экономиста, друга и коллегу, только что выступавшего здесь Николая Ивановича Бекарева (указал на него рукой), Валентину Мурину, с которой, могу вам доложить, мы живём 51-й год (аплодисменты). У нас двое сыновей и теперь шесть внуков (вновь аплодисменты). Вот такие дела.

Мой старший брат Юрий Карасёв, по профессии ветеринарный врач, был ещё талантливым самобытным сельским поэтом. Сборники его стихов, а также и моих книг, вы можете взять в библиотеке. Я думаю, вам будет интересно. В заключение я исполню одно из его стихотворений, посвящённое судьбам нашей российской деревни.

*Мы называть привыкли Родиной одну шестую часть земли.
Гордились всем, что ею пройдено, и что Союзом нарекли.
С заглавной буквы по грамматике писали мы, другим
в пример,*

Когда о Родине – о Матери шла речь, писал: эС-эС-эС-эР!

(Дальше я начинаю петь стихотворение на написанную мной мелодию.)

*Но с малой «р» писалась родина, когда под «р»
считалось лишь*

*То место, что на карте – родинкой, порой не сразу
разглядишь.*

*А я родился в этой точечке. И мать ушла всем горлом
в крик!*

На свет пуская без сорочечки тебя, сегодняшний старик.

И я сберёг, сберёг до крошечки, и цвет небес, и шум берёз,

*И вкус поджаренной картошечки... всё, с чем родился
и возрос.*

*Но вот на вертеле истории вдруг появляется премьер –
И нет на карте территории с названием СССР.*

*Союз рассыпался на высылки. К соседям не пройдёшь
без виз.*

*Там казаки кого-то высекли. Свой в каждом доме
«плярализм»...*

*С деревнею у нас не брезгали эксперименты проводить,
А мне в деревне – пуп обрезали. И мне ль о ней
не говорить!*

В ней все тропинки мною пройдены.

Я – той деревни диккурьер.

Её своей считаю Родиной,

Её пишу с заглавной «ЭР».

Зал вначале как будто замер, а потом взорвался аплодисментами. Я, сопровождаемый ими, спустился со сцены и прошёл на своё крайнее место в первом ряду.

Скоро торжественное мероприятие закончилось, люди стали расходиться, а гостей пригласили на праздничный обед, после которого я, наконец, встретился с Натальей Леонидовной в её квартире. Мы недолго поговорили, и я пошёл вновь к Мельниковым; у них ночевал, а на следующий день, после завтрака, подарил Тамаре Сидоровне и Николаю Алексеевичу две свои книжки. Как я ни возражал, хозяйка «загрузила» мой портфель творогом и сметаной, а Николай отвёз в Барабинск к электричке до Новосибирска.

«Какой же я всё-таки счастливый человек! – думал я, качаясь в электричке, – кому же на старости так могло повезти? Ведь я не просто в очередной раз побывал на «малой» родине, но как бы отчитался перед земляками за прожитую жизнь».